

18+

Для ЖюТ

ЧЕРНИЛА, ТАЙНЫ И ОТЕЦ МОЕЙ СОСЕДКИ

Аля Кьют

**Чернила, тайны и
отец моей соседки**

«Автор»

2022

Кьют А.

Чернила, тайны и отец моей соседки / А. Кьют — «Автор», 2022

Чтобы избавиться от шрамов, я решила сделать тату. В тот безумный вечер я рассказала мастеру слишком много. А потом мы оба потеряли голову. Я убежала. Думала, никогда его больше не увижу. Но в один прекрасный день он пришел повесить полку в моей комнате. Ведь он отец моей соседки по общежитию.

© Кьют А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Глава 1. Замена	5
Глава 2. В процессе	13
Глава 3. Откровения	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Аля Кьют

Чернила, тайны и отец моей соседки

Глава 1. Замена

Маша

– Вы шутите? – громко удивилась я на всю студию.

Девушка, что стояла за стойкой, виновато мне улыбалась.

– Мне очень жаль, но ваш мастер не сможет сегодня.

– Это какая-то глупая ошибка. Мы списывались с Настей буквально час назад. Все было в силе.

– Насте пришлось срочно уехать. Ее мама сломала ногу.

У меня на глаза навернулись слезы. Я столько времени и сил потратила, чтобы выделить сегодня вечером несколько часов. Работы Насти мне безумно нравились. Она с трудом нашла для меня место в плотном графике, сделала исключение и назначила на поздний вечер. Я считала, что оно того стоит. Эскиз Настя нарисовала идеально, расставила на шрифте тени и акценты. Мне очень понравилось. Я ждала с нетерпением этого вечера, настроилась, готовилась, чтобы сейчас просто... уйти?

– Пожалуйста, не расстраивайтесь.

Девушка за стойкой переживала вместе со мной. Злиться на нее у меня не было сил. Я опустила плечи и голову, собираясь молча отправиться домой.

– Настя знала, что для вас очень важно все сделать в лучшем виде.

– Что уж теперь, – я пожала плечами и шмыгнула носом. – Ее мама, конечно, важнее.

– Вы только не уходите. Настя позвонила Олегу. Он сейчас приедет на замену.

Тут я перепугалась еще сильнее.

– Нет-нет, мне не нужна никакая замена, – я начала пятиться как рак, отступая к двери. – Я потом Насте позвоню. Мы перенесем, договоримся. Ничего страшного. Это всего лишь тату...

Девушка выпрыгнула из-за стойки с грацией лани и вцепилась в мою руку как клещ. Я так удивилась, что даже не попыталась возмутиться или вырваться. Даже пятиться перестала.

– Тату – это не всего лишь. Это искусство, Маша, – заговорила девчонка с трепетным придыханием, уводя меня к дивану для ожидания. – Вот я пирсингом стреляю – это, можно сказать, всего лишь. И то можно поспорить. А татухи рисовать – тут талант нужен и художник.

Она усадила меня, и я снова не смогла сдвинуться.

– У меня ведь просто надпись. Я лучше пойду.

И встала. У меня не было никакого желания отдаваться в руки какого-то Олега. Я точно знала, что буду делать татушку у девушки, выбирала мастера год, общалась с Настей месяц, согласовывая дату и прорабатывая эскиз. И что теперь? Раздеться перед Олегом? Чтобы он набил мне черти что?

Я не говорила это вслух, но, видимо, громко думала, потому что специалист по пирсингу закрывала мне проход к двери.

– Поверь, – перешла она на «ты». – Олег – невероятный. Ужасную вещь скажу, но тебе очень повезло, что Настина мама сломалась, и он согласился на замену.

Я не могла избавиться от мысли, что сейчас в студию войдет расписной под хохлому и ужаленный в вену парень. Как и многие, я была заложником стереотипов, хоть и чуть более толерантна к татуировщикам. Но мужчины этого ремесла меня настораживали все равно. Предубеждения и страх сковывали по рукам и ногам.

– Нет. Я не хочу, – выпалила я смело, вспоминая, что отказывать – это нормально.

– Останься хотя бы – поговори с ним. Успеешь отказаться, если не сойдется. Он едет с другого конца города, чтобы Настюху выручить.

Я сморщилась от угрызений совести, которые поедали меня не хуже, чем страх с предубеждениями. Первый рубеж обороны пал.

– Давай я покажу его работы, – быстро прочувствовала мою слабость сотрудница. – Меня кстати Юля зовут. Если останешься, то любой пирсинг от меня бесплатно.

– В честь чего такая щедрость? – насторожилась я снова.

Юля убежала обратно за стойку и принесла альбом.

– Мне безумно нравится, когда Олег творит. Это чистый секс.

Я закатила глаза.

– Юля, я же сказала, что у меня банальная надпись.

– Он и ее сделает гениальной. Смотри альбом.

– Альбом, – я прыснула. – У кого-то еще остались альбомы? Все портфолио в сети.

– Олег у нас из старообрядцев. Опять же он давно не рисует коммерцию. Только для души и друзей.

Я открыла альбом и обомлела с первой же фотографии. Мне не очень нравились полнотью забитые руки или спины. Я была поклонницей минимализма. Но все, что было в альбоме, действительно смахивало на искусство. Иногда гениально простое, местами сложное и потрясающее. Сложно представить, что все это – рисунки на коже, сделанные человеком, а не магией какой-то.

– Мне он делал вот...

Юля задрала рукав и показала тату чуть выше локтя. Словно переводная картинка из японского мультлика. Девочка и белый дракон.

– Боже, как здорово, – выдохнула я, откладывая альбом и рассматривая живую тату. – Такие краски, очень красиво. Можно?

Я протянула руку, чтобы потрогать. Юля разрешила мне кивком. Это действительно была тату, а не переводная свежая картинка. Невероятно.

– Она новая?

– Три года. Хороший уход – главный секрет.

Гордость и восхищение в голосе Юли подкупали. Я начала допускать мысль, что можно попробовать отдаться в руки Олега. В конце концов, если он делает такие крутые вещи – вряд ли напорочит со мной. Лишь бы не приехал поддатый или чего хуже – под кайфом.

За окном остановился здоровый внедорожник.

– О, а вот и большой босс приехал, – визгливо громко сообщила Юля.

Я с любопытством и новой порцией опасения смотрела через стекло. Еще и босс какой-то. Только его не хватало. Я очень надеялась на тихий сеанс с Настей без лишних свидетелей. Теперь мне придется мириться с Олегом и боссом в виде свидетеля.

Совсем не хочется.

Я собиралась сообщить об этом Юле, но она уже убежала к двери, чтобы встретить босса, который вышел из машины.

Звякнул колокольчик на двери, и в студию вошел красивый подтянутый мужчина за тридцать. Он был в белой рубашке с воротником стойкой и в подтяжках. Рукава были закатаны до плеч и открывали кожу. Я сразу заметила тату на предплечье. Красивый, но немного комиксный карп кои выплывал из-под закатанного рукава. В горле тут же пересохло. Мне всегда хотелось рассматривать таких мужчин, но они одновременно меня и пугали.

Я отвела глаза, делая вид, что не смотрела.

– Привет, мелкая, – проговорил мужчина и нагнулся, чтобы чмокнуть Юлю в щеку.

Еще прижимая губы к лицу девушки, он взглянул на меня. А я на него. Наши глаза встретились. Меня тут же бросило в жар.

Он был симпатичный. В очках, которые его ни капли не портили. Симпатичный до безобразия. На него сложно было не смотреть.

Очки и тату, оказывается, могут быть офигенно горячим сочетанием. Если раньше я не очень представляла босса тату-студии, то теперь буду визуализировать его именно так.

Я рассматривала его, наверно, неприлично долго. Он улыбнулся и подмигнул мне. Кошмар.

Пришлось скорее опустить голову и спрятаться за волосы, которые упали на лицо.

– Привет, Олег, – продолжала говорить повизгивая Юля. – Вот твоя клиентка сегодня.

ОЛЕГ! Это Олег?

– Клиентка? А выглядит, как жертва, – усмехнулся он, отпуская Юлю и направляясь ко мне.

Пришлось смотреть на него снова. Было бы невежливо бормотать в волосы. Хотя безопаснее было бы просто убежать, растолкав обоих, как кегли.

Но я вросла в пол, как дерево, и покорно ждала, когда Олег подойдет ко мне.

Господи, дай мне сил не упасть в обморок и проговорить: «Нет спасибо, я пойду».

Но во рту так и была Сахара. Я не двигалась, не говорила. Просто ждала, когда он приблизится. Олег подошел и протянул руку. Я смотрела на красивую сильную ладонь, как на лапу неведомого чудища. Мне точно не стоило его трогать. Но обычаи и вежливость оказались сильнее страха.

Я потерла руку о джинсы и пожала его ладонь.

– Привет, я Олег, – проговорил он слишком беспечно на фоне моих переживаний.

– Мария, – пискнула я в ответ. – Здравствуйте.

Он нахмурился и обсмотрел меня с головы до ног. Как будто не смотрел, а трогал. Я вскипела еще сильнее. Хотя это вроде бы было невозможно. Как будто и так сидишь на вулкане, а тут еще кипятком облили.

Мне было стыдно и бесконечно горячо. За этими ощущениями я даже страх потеряла и позабыла о попытках бежать.

– Мария, ты в порядке? – уточнил Олег, закончив рассматривать меня.

– Нет. Да. Все хорошо.

– Алкоголь, кофе, острое или соленое сегодня? – продолжил допрос Олег.

– Нет, – снова отвечала я тихо и пискляво звонко, как мышка.

Он сделал еще шаг ко мне и склонился. Я затаила дыхание, потому что было похоже, что он меня сейчас поцелует. Невозможно такое представить. Как? Зачем? При Юле? Чего ради?

Я зажмурилась, едва живая от всего невероятного, что со мной творилось в эти минуты.

– Дыши, – приказал он тихо.

Я приоткрыла рот и выпустила воздух через губы с легким свистом.

Олег усмехнулся.

– И правда. Фруктовая жвачка и никакого алкоголя. Молодец.

Он коснулся моего подбородка пальцами и легонько ущипнул. Я сглотнула и открыла глаза.

– Прости, красавица, но столь юные особы часто врут и часто выпивают перед сеансом. Мне нужно было убедиться.

Он отошел на шаг назад, возвращая мне воздух и даже мысли.

– Все норм, Юль. Можешь идти. Я возьмусь.

Юля едва успела открыть рот, как я ответила вместо нее.

– Нет-нет. Не нужно. Мне жаль, что вас пришлось беспокоить, но я лучше пойду.

– Куда? – засмеялся Олег. – Будем ночевать тут. Юлька, счастливо.

Прежде чем я придумала возражения или упала в обморок, он взял меня за плечи и повел в глубину студии, где были места мастеров.

Около одного из столов стоял небольшой мягкий диванчик. Именно туда меня и усадил Олег.

– Пока-пока, – крикнула Юля, накидывая джинсовку и забирая сумочку из-за стойки. – Маша, мой подарок в силе. Не забывай.

– Хорошо, – прокаркала я.

Юля финально вскинула руку прощаясь. Звякнул колокольчик, и она убежала, оставляя нас с Олегом наедине.

– Что за подарок, – не постеснялся уточнить Олег, доставая мобильный.

– Пирсинг, – ответила я, даже не подумав, что это не его дело... И зачем-то добавила. – Где угодно.

Олег дернул бровями и облизал губы, улыбаясь.

– Мне стоило догадаться. Где угодно – это круто.

Я очень хотела провалиться сквозь землю или хотя бы перестать фантазировать о его двусмысленных замечаниях.

Где угодно...

Пирсинг для меня где угодно. О котором будет знать этот мужчина.

Сразу захотелось сделать прокол в самом неожиданном месте.

– Значит, это твой эскиз? Правильно?

Олег показал мне экран мобильного. На нем была моя надпись и бабочки вокруг.

Я поспешила пояснить.

– Да, но мы с Настей собирались сделать только надпись для начала.

– Ты первый раз? – догадался он.

– Да.

– Боишься аллергии?

– Боюсь боли, если честно.

Он понимающе закивал и похвалил меня.

– Очень самокритично для столь юной особы. Обычно все случается наоборот...

– Как? – не могла не спросить я.

– Когда приходят чистые и просят набить на всю спину крылья или зарисовать всю ногу. Сколько ни уговаривай – бесполезно. Но через пять минут – обморок, нашатырь, сопли, слезы, я передумалааааа...

Конечно, последнее он прорыдал, как истеричная девчонка. В другой момент я бы возмутилась, но у Олега, похоже, так случалось достаточно часто. Я не стала обижаться. Да и пародировал он смешно.

– Именно поэтому вы больше не работаете здесь?

– По другой причине. Но по концертам с дождем из слез я не скучаю совсем.

Собравшись с духом, я попыталась надавить на больные точки мастера.

– Давайте не будем искушать судьбу. Я не уверена, что смогу сдержать слезы, так что лучше разойдемся.

– Куда? – не понял он.

– Я домой, а вы куда-нибудь, где точно не будет потенциально плаксивой девицы.

– Ох, Мария, уверен, у нас все получится. Не бойся.

Когда он так говорил, мне очень хотелось верить. Но даже его гипнотический взгляд и голос не могли изменить моего решения.

Или могли?

– Давай действительно начнем с надписи. Если будет терпимо, то продолжим бабочек. Где бы ты хотела всю эту красоту? – заговорил мне зубы Олег.

Мне так нравился его голос, что я совсем забыла о побеге и вежливом отказе. А он продолжал болтать, шутил, не замечая моего оцепенелого молчания.

– Не говори, что на заднице. Бабочки на попке – это моветон. Даже на твоей. Оу, черт, прости. Я не подкатываю, просто чернильный черный юмор.

Я краснела и хихикала, как школьница. Олег обескураживал, прямо скажем. Он болтал со мной как ровесник, будучи намного старше. Меня всегда тянуло к зрелым мужчинам, но вот я их совсем не интересовала. Да и не было у меня шанса флиртовать с такими людьми. На работе все клиенты видели только форму. Никто никогда не пытался познакомиться.

– Так где? – повторил Олег вопрос.

– На груди, но...

– На груди? – переспросил он. – Уверена?

Я инстинктивно прижала ладонь к сердцу, без слов обозначая место для тату. Олег склонил голову и внимательно смотрел. Я стала путаться в словах под этим взглядом.

– Нет. То есть, да. Я хотела, но...

– Мария, тату – это навсегда. Уверена, что не пожалеешь? Чуть более глубокое декольте сразу покажет рисунок на твоей коже или некрасиво перекроет его. Представь, что найдешь свадебное платье мечты, и оно неидеально будет сочетаться с тату.

Я схватилась за его слова, как за спасательный круг.

— Да, конечно, вы правы. Не стоит мне ничего там набивать. Я пойду.

– Стой-стой, я не отговариваю тебя, – спохватился Олег, поймав меня за руку и усаживая обратно на диван. – Не убегай.

У меня заколотилось сердце о ребра от его прикосновения. Я точно должна бежать, но где бы взять сил и желание оторваться от этого человека.

– Посиди и послушай, ладно?

– Хорошо, – тихонько откликнулась я.

Он отпустил меня, и сразу стало грустно. Олег присел на стул, придвинулся ко мне очень близко и объяснил:

– Будь здесь любая другая девчонка твоих лет, я бы отправил ее домой много думать о татуировках, навсегда и прочих важных вещах. Но ты ведь не тупая малолетка, да?

– С ччччччего вы взяли? – удивилась я.

– Сам не знаю. Просто вижу, что у тебя есть веский аргумент для тату. Считай, что ска-
нирую твою ауру.

– Шизотерика, – фыркнула я пренебрежительно.

– Может быть, но чуйка меня ни разу не подводила. Позволь предложить тебе бабочек под грудь. Будет красиво и загадочно.

Я сразу представила, как Олег будет работать у меня под грудью, трогать, приподнимать, поглаживать полотенцем, чтобы убрать лишнюю краску. Черт, это было бы офигенно. Я умру еще до того, как он увидит меня полуголой. Даже жалко, что мне не надо под грудью,

– Уверена, что будет отлично, – чуть смелее стала отвечать я. – Но это не для меня.

– Принципиально?

– Да. И нет.

Олег толкнулся ногами и резко отъехал от меня на кресле.

– Блин! Не понимаю. Объясни.

– Нет. Я бы хотела встретиться с Настей. Мне очень жаль, что пришлось...

– Ооо, приехали обратно на станцию «давай досвиданья», – вскипел он, не давая мне договорить.

Олег встал с кресла и упер кулаки в бока.

– Ты видела мои работы?

– Видела. Они прекрасны, – искренне восхитилась я.

– Черт...

Олег рассеянно растрепал волосы на затылке. Мне показалось, что он слегка покраснел и смутился. Но быстро взял себя в руки и снова буравил меня красивыми черными глазами через очки.

– Тогда почему ты так упрямо отказываешься?

Врать и замалчивать было бы совсем глупо. Я, кажется, ранила его самолюбие. Он не отстанет. Придется сказать, как есть.

– Вы мужчина.

– Ого... Об этом я не подумал.

Олег рухнул обратно в кресло и придвинутся ко мне.

– Представить, что я как доктор у тебя не получится? Если это успокоит, я видел много разных девушек топлес и ни одну из них не изнасиловал.

Я нервно хохотнула.

– Признаюсь, меня даже немного тошнит от сисек. До твоих мне нет никакого дела. Клянусь.

Кусая губы, я очень-очень хотела ему верить и даже немного расстроилась, что его не интересует моя грудь. Но колебалась я по другой причине.

– Не знаю, Олег. Можно представить вас доктором, но есть еще кое-что. Мы с Настей это обсуждали, но вы не в курсе, как я вижу.

– Не томи, детка. Я сейчас помру от нетерпения.

Он был слишком горячим и забавным в своем любопытстве. Я знала, что он откажет мне, но решила, что не буду обижаться на это.

– У меня шрамы на груди. Я хотела их спрятать.

Я отбарабанила все это и не умерла.

Олег тоже не умчался прочь, но нахмурился.

– Я много работал здесь раньше, Маша, и видел всякое. Если ты сомневаешься, что я справлюсь...

– Нет, я сомневаюсь, что справлюсь сама. Это непростое решение. Я долго выбирала мастера, потом мы обсуждали рисунок и мою кожу. Я бы просто отменила все, но Настя вызвала вас. А Юля не позволила мне уйти.

– Не думаешь, что это судьба?

Я снова прыснула.

– Вы вроде взрослый, а глупости такие говорите. Какая судьба?

– Просто случай. Могу уверить, что справлюсь не хуже, чем Настя с любыми дефектами на коже. А ты, конечно, можешь струсить и бросить меня здесь одного гадать, что же ты хотела написать на иврите.

– Иврите? – переспросила я.

– Да – твой шрифт. Похоже на иврит. Разве нет?

– Нет, это эльфийский.

Его брови, что до этого от моих странностей аристократично кривились, теперь просто рванули к кромке волос. Он даже рот приоткрыл от удивления.

Мы с Олегом одновременно начали хохотать.

– Господи, ну я дал. Конечно, эльфийский, – ржал он.

– Ничего. Со всяким может случиться. Немного ошиблись, – подбадривала его я.

Олег вытер глаза пальцами, и выдохнул длинно, чтобы успокоиться.

– Ладно. Давай взглянем на наше поле деятельности. Не против?

Он опять включил какие-то гипнотические нотки. Или это у меня что-то перемыкало в голове, когда он подходил ближе? Не знаю.

Я не дала ему согласия, но и не смогла отказаться.

Кивнула раньше, чем поняла, на что согласилась.

Олег расстегнул пуговку моей рубашки. Мне нужно было оттолкнуть его или остановить, хотя бы сказать – нет. Но я опять не дышала, не двигалась, не думала.

С ним рядом у меня напрочь отказывали мозги. Как будто голову я забыла дома.

Ох, черт...

Олег расстегнул три пуговицы и очень бережно отодвинул рубашку в сторону вместе с ляжкой лифчика. Я смотрела на его лицо, готовясь к приговору, к брезгливой гримасе, даже издевательствам. Если мой обычный Миша не мог терпеть, то потрясающий Олег тем более не станет.

Но он просто смотрел. Молча. Затем поднял руку и провел пальцами над моей кожей, не коснувшись шрамов. Сглотнув, он облизал губы и выдохнул, как будто испытывал ужасные страдания.

Кто бы сомневался. Только не я.

Я дернула руками, собираясь прикрыться и убежать наконец, но меня парализовала его близость. Олег не спешил облить меня презрением. Наоборот, он спокойно посмотрел мне в глаза и сказал:

– Я смогу нанести рисунок. Может занять чуть больше времени, чем обычно, но ничего особенно сложного. Место не такое болезненное, но из-за дефектов кожи я буду возиться. Дашь мне несколько минут переодеться?

– К-конечно, – прозаикалась я, окончательно теряя связь с реальностью.

Олег ушел, оставив меня трястись на диване. Он вернулся действительно через минуту. На нем были другие джинсы и вытянутая футболка, заляпанная краской. Я смогла рассмотреть его карпа, который уплывал через локоть к плечу.

А еще он снял очки.

– Не переживай, я не слепой крот. Сменил очки на линзы. Вижу еще лучше. Нарисую, где надо, а не на щеке.

Я хихикнула.

– Спасибо. Мне полегчало.

Я врала. Ни черта мне не полегчало. Я с трудом верила, что согласилась на сеанс с Олегом.

Да я и не соглашалась. Он просто больше не спрашивал, а ставил меня перед фактом. Моя все еще расстегнутая рубашка и оцепенение подтверждали реальность происходящего.

– Так-так, – бормотал Олег. – Где тут мой древний дружок.

Я снова выпустила изо рта нервный смешок.

Дружок...

Будь у меня чуть меньше комплексов, я бы прошла по двусмысленной фразе. Однако Олег радостно обстебал себя сам:

– Я имел в виду его, – объяснил он, достав из ящика планшет. – А ты что подумала?

– Именно об этом, – бессовестно соврала я. – Что еще вы могли иметь в виду?

Олег наградил меня игрой бровей и перешел к делу.

– Не против, если прорисуем шрифт чуть объемнее? Можно поиграть с тенями, и будет отличная переключка с бабочками вокруг.

– Звучит здорово.

Олег присел со мной рядом. Он перетащил мой эскиз на дисплей и потрясающе быстро стал расставлять акценты штрихами стилуса. Руку мастера я видела четко и почти перестала переживать. Уж очень круто он рисовал. За качество можно было не волноваться.

– Здесь немного темного зеленого, а тут от красного в размытый розовый. Хорошо? Нравится?

– Да, здорово. Очень красиво.

– Будет чуть дольше, но ненамного. Хорошо?

– Согласна.

– А если еще вот так?

Олег заполнил синим круг, что составляли мои бабочки. Вторым штрихом он добавил немного желтого. Получилась целая картина с размытым в небе солнцем.

– Идеально, – выдохнула я.

– Заполнить цветом сегодня точно не успеем, даже если ты выдержишь шрифт и бабочек.

Придется в два этапа.

– Но цвет полностью скроет шрамы. К тому же картинка идеальна в таком наполнении, – обозначила я все преимущества его плана.

– Не люблю хвастаться, но – да.

– Вы очень скромны, Олег. Похвастайтесь немного.

Он поморщился и попросил:

– Ради бога, прекращай выкать. Чувствую себя древним противным папочкой.

От его игривого тона я тоже начала вылезать из кокона и превращаться в себя. Ответила:

– Вы не древний. Очень даже ничего.

– Мария... Прекрати.

– Договоримся? Вы... – Олег зыркнул на меня, и я сразу поправилась. – Ты зовёшь меня Машей. Никакой Марии. А я не выкаю.

– Согласен.

Олег протянул мне руку, и мы скрепили договор.

– Давай я займусь трафаретом. Маша.

Он подмигнул и снова полез в Настин стол.

– Займись.

Глава 2. В процессе

Я чувствовала себя чуть лучше. Легкие вибрации нервишек, конечно, остались, но я пыталась смириться с ними и списать на присутствие рядом Олега. Наверно, это нормально быть чуть возбужденной рядом с таким мужчиной.

Олег махнул рукой и попросил:

– Сюда перемещайся.

Я пересела с дивана на кушетку, где мне придется провести весь вечер. Застегивать рубашку я не стала. Все равно надо будет раздеваться.

Пока Олег делал трафарет, я наблюдала за его мимикой и руками. Забавно, но на левом предплечье с внутренней стороны я заметила неожиданную тату. Воробей с лапками за спиной «штош» из мемов всех соцсетей страны. Весьма неожиданная картинка по соседству с почти каноничным карпом. Я бы назвала воробья вообще бестолковым, но постеснялась сделать это даже мысленно. В конце концов, он мог набить его в молодости, по глупости.

Олег закончил с трафаретом и уточнил:

– Готова?

– Нет. Но давай начинать, а то до ночи не уйдем отсюда.

– Здесь и ночью хорошо, – сообщил мой мастер с загадочной ухмылкой. – Когда за окном темно и дождь идёт, а машины едут с фарами – очень красиво. Можно просто сидеть и смотреть в окно до утра.

Я тотчас представила, как сижу у того самого французского окна в пол на уютном подоконнике рядом с Олегом. В моих фантазиях одежде не было места.

– Представила? – догадался Олег по моему мутному взгляду, видимо.

Я прокашлялась и подтвердила:

– Да, очень романтично.

– Согласен. Боюсь, мне придется очень неромантично попросить тебя раздеться. Рубашка будет мешать.

– Хорошо.

Я была готова к такому повороту событий. Настя меня тоже предупреждала об этом. Олег готовил краски, машинку, полотенца, пока я справлялась с пуговицами и стягивала рубашку. Он сам забрал ее у меня и бережно сложил на соседнем стуле.

– Устраивайся удобнее леж. Яотрегулирую спинку кушетки. Так нам обоим будет удобно.

– Вряд ли мне будет удобно лежать перед незнакомым мужчиной полуголой, – не сдержалась я.

– Мы ведь представились. Так что можно считать, что знакомы, – не согласился Олег. – Постарайся помнить, что я доктор. Представляй белый халат. Перчатки я и сам надену.

Я закусила губу, чтобы не ляпнуть пошлость о докторе, стандартном герое эротической фантазии. Мало мне как будто горячего татуировщика, теперь его еще и доктором придется представлять.

Олег надел перчатки. Я дышала через раз, чтобы успокоиться. Он взял трафарет и приложил к моей коже. Я не смотрела, что отпечаталось. Олег взял ручку и добавил несколько штрихов.

– Финишная прямая, – сообщил он, проверил машинку, макнул иглу в краску. – Последний шанс отказаться.

Я собиралась сказать, что и не соглашалась вовсе, но он мне и этой возможности не дал, перебив даже намерения.

– Я пошутил. Ты моя пленница. Отказываться поздно.

– Какие уж тут шутки, – заворчала я бодрясь.

– Сначала только линии. Шрифт и контур, – объяснил мастер. – Первые минут десять будет очень неприятно, потом начнешь привыкать. Но если нужно будет сделать перерыв, обязательно скажи.

– Ладно.

Олега мой ответ не удовлетворил.

– Маша, если я говорю, что нужны перерывы, значит они действительно нужны. Не пренебрегай ощущениями, хорошо? Геройству тут не место. Если упадешь в обморок, я могу перепугаться и тоже отключиться. Хороши мы тут с тобой будем, а?

– Постараюсь не доводить нас до такого, – смеялась я, почти забывая о нервах.

– Вот и молодец. Анестезию не предлагаю. От нее кожа теряет эластичность, а у нас и так есть неровности, которые придется тщательно прорисовывать. Понимаешь?

– Да. Я потерплю. Уверена, что справлюсь.

– Тогда начинаем.

Олег несколько раз повернулся ко мне, почти касаясь, но отстраняясь, чтобы проверить доступ.

– Да, так ничего вроде, – подвел он итог своим опытам и включил машинку.

Я задержала дыхание.

Первое касание иглы показалось мне вполне терпимым. Я выдохнула и расслабилась, но зря. Если разовый контакт был не такой и болезненный, то при повторении царапающее ощущение стало нарастать. Я терпела, но была готова все отменить. Слова вертелись на языке, пока Олег снова и снова водил иглой по моей коже.

Прошла, наверное, всего минута, но она показалась вечностью.

– В порядке? – спросил Олег, прекращая работу.

– Нет, но терпимо, – честно ответила я.

– Продолжаем?

– Конечно.

И снова игла стала рисовать по моей коже. Олег оказался прав, чем дальше, тем легче я принимала боль. Вряд ли я пойму ребят, которые сидят на тату-игле, как наркоманы, и тащатся от этой боли. Но в целом – это можно терпеть.

– Легче? – спросил Олег снова минут через десять.

– Да. Определенно.

– Можем поболтать?

– Зачем? Чтобы я не упала в обморок? Не стоит. Я в порядке, – быстренько отмела я предложение.

– Это я вижу. Но можно поговорить, чтобы не скучать.

– Эээ, ладно. Наверное...

– Прости, что достал тебя. Сейчас вытру излишки краски. Не пугайся.

Он провел полотенцем по коже.

– Если комфортнее в тишине – я заткнусь. Буду только по делу.

Его внимательность обескураживала. Никто не был так щепетилен со мной. Даже поговорить Олег просил разрешения.

– Нет, я не против поболтать.

– Слава богу, – смешно выдохнул от облегчения. – Это не мое дело, но я помру, если не узнаю, что означают эти эльфийские руны.

– А, это... – немного разочарованно проговорила я.

Думала, он будет спрашивать о шрамах, и приготовила иглы, но нет.

– Очень красиво ложится шрифт. Как я мог спутать с ивритом... Чувствую себя двоечником. Они из «Властелина колец»? – стал гадать Олег, не получая от меня толкового ответа. – Чтобы всех отыскать, воедино созвать... * Так кажется?

Я бы саркастично похлопала, но мне нужно было лежать тихо и не мешать мастеру работать. Однако легкое пренебрежение я вложила в голос.

– Если эльфийские руны, значит «Властелин». Все так думают. Нет, это из другой книги. Олег аж прервался.

– Да ладно? Шутишь? Я ошибся второй раз на одном и том же месте?

Мне снова стало смешно от его возмущения.

– Так, тихо-тихо. Не дергайся, – успокоил меня Олег. – Я смешон, это бесспорно. Поржешь в перерыве, ладно?

– Не будь так строг к себе, – сжалась я над ним. – Мало кто читал «Сильмариллион». Именно там в конце есть словарь, который может помочь изучить эльфийские руны.

– Ты знаешь эльфийский язык?

– Нет, по шаблону очень просто писать на синдарине. Но и это необязательно. В электронном переводчике есть эльфийский. Элементарно.

– Офигеть, – не сдержался Олег. – Но все же... Что это за слово? Или фраза?

– Слово. Даже имя. И фраза одновременно.

Я улыбалась от удовольствия. Мне очень нравилась моя надпись. Она значила для меня очень много.

– Имя? Эльфийское? – догадался Олег.

– Да. Мелиан. Она кто-то вроде младшей богини – майа. Мел – это любовь, милость. Ан – дар. Мелиан дословно – милый дар. Но в целом – она символ огромной любви. Мне нравится именно эта трактовка.

– А бабочки?

– Перерождение, конечно. Ты же знаешь, – мягко укорила я Олега.

– Знаю. Но не хочу сам делать выводы.

– Делай, мне не жалко.

– Любовь спасет мир? – предположил он.

Я печально вздохнула и неожиданно призналась.

– Не мир. Меня, – испугавшись лишней откровенности, я поспешила сгладить. – Надеюсь во всяком случае. Если любовь, конечно, не сдохнет в виде гусеницы.

От одного воспоминания об Антоне, который был моей персональной гусеницей, стало больно. Не только в душе, но и физически. Иголка машинки вдруг показалась мне раскаленной, а боль нестерпимой. Я вся напряглась, и Олег это сразу заметил.

– Перерыв? – предложил он.

– Да, – согласилась я, не раздумывая. – Покажешь уборную?

– Конечно.

Он выключил и отложил машинку, закрыл место работы пеленкой, подал мне руку, помогая слезть с кушетки, указал рукой на дверь в углу зала. Я провела в туалете несколько минут, пытаюсь успокоиться. Отогнать мысли об Антоне не получилось, но я засунула все свои переживания и комплексы куда подальше. Зеркало отразило беспомощность на моем лице. Я умылась, чтобы избавиться от эмоций и грязи, которой так щедр облил меня бывший парень. Она впиталась под кожу, в душу, оставила раны на сердце, и я носила ее на себе не хуже шрамов или той же татуировки.

Единственное, что придавало мне сил – Олег за стеной. Я не хотела быть размазней при нем. Мы так мило общались, он не брезговал моей кожей. Как будто шрамы для него не были уродством. Наверно, работа такая. Как у врача.

Вернувшись в студию, я почувствовала аромат ромашки. Олег сидел на диване. Он кивнул, приглашая сесть рядом, протянул мне чашку и указал на корзинку с конфетами и печеньем.

– Угощайся.

– Это входит в цену?

– Входит в сервис, – уточнил он. – Готов поспорить, ты толком не ела сегодня.

– Откуда ты знаешь? – удивилась я, взяв крекер из корзинки.

– Ты волновалась. Сильно. До сих пор волнуешься. В таком состоянии в рот еда не лезет.

Или я не прав?

– Не совсем, – решила я быть честной. – Я не волновалась, а психовала. С ума сходила от переживаний.

Олег усмехнулся.

– Я старался быть корректным в формулировках.

– Мой психоз очень заметен?

– Ну конечно. Я был готов тебя связать. Для твоего же блага, конечно.

Мне снова стало смешно, легко и приятно рядом с ним. Крекер растаял во рту благодаря теплему ромашковому чаю. Я снова могла быть собой и отвечать на дразнилки Олега.

– И что ты за доктор такой?

– Неправильный, – сознался он, тоже прожевав печенье. – Зато художник хороший.

– Это успокаивает.

Я хотела прижать ладонь к груди, но он перехватил мою руку.

– Не трогай.

От касания вздрогнула. Меня словно дернуло током. Я смутилась моментально и попыталась извиниться.

– О, прости. Я забыла.

– Нормально. Прости, что схватил.

Он разжал пальцы, отпуская мое запястье.

Я допила чай и, чтобы снять неловкость, предложила:

– Продолжим?

– Да.

Олег на этот раз не подал мне руки, и я сама залезла на кушетку. Он снял защитную пленку, внимательно осмотрел мою кожу и пояснил:

– Краска ложится хорошо, но работаем дольше обычного. Готова начать?

– Да.

Он надел перчатки и включил машинку. Боль снова обожгла кожу, но я стала глубже дышать, и совсем скоро ощущения стали терпимыми.

– Сейчас быстрее адаптировалась, да? – подметил Олег и этот нюанс.

– Да, я уже была готова.

– Очень больно? По шкале от нуля до десяти.

Я нервно усмехнулась и ответила:

– Семнадцать.

– Я понял, – тоже криво улыбнулся Олег и тут же вздохнул, отодвигаясь.

Он опустил руки и раздраженно мотнул головой.

– Нет, не могу так работать. Прости, Маш.

Глава 3. Откровения

– Нет, не могу так работать. Прости, Маш.

Я перепугалась не на шутку.

– Олег, я пошутила. Это больно, но я потерплю. Не семнадцать, а скорее семь. Ладно, восемь, но...

– Я не отказываюсь от работы, – быстро стал объяснять он. – Но мне мешает белье. Я все время натыкаюсь на чашку лифчика. Меня это чертовски нервирует.

– Ой...

Олег понимающе покивал.

– Да, «ой». Я не говорил, чтобы ты не паниковала. Думал, справлюсь.

– Тебе все время было неудобно? – уточнила я, поражаясь его страданиям и терпению.

– Было чуть лучше, пока не подошел к груди. Когда начнем рисовать бабочек, станет невыносимо. Прости, Маш. Я постараюсь сейчас перекурить и больше...

На этот раз перебила я.

– Я сниму его.

– Нет. Это необязательно.

– Обязательно. Мне не нужен раздраженный мастер.

– Я мог бы постараться не раздражаться. К тому же...

– К тому же мои сиськи тебе вообще не интересны, – напомнила я ему. – Ты как доктор. Не проблема, Олег.

Не знаю, почему я так легко на это решилась. Час назад мне даже рубашку расстегнуть было страшно. Но чем больше времени я проводила рядом с Олегом, тем меньше страхов во мне оставалось.

Заведя руки за спину, я расстегнула замок и позволила бретелям сползти по рукам. Они увлекли за собой и чашки. Я осталась топлес, бросила бюстгальтер на диван и легла обратно.

Олег что-то пробормотал себе под нос. Кажется, поминал бога и еще кого-то. Он старательно не смотрел на мои соски. Насколько это было возможно.

– Ты что-то сказал? – уточнила я, чувствуя себя просто потрясаяще и ни капли не смущаясь.

Он включил машинку, набрал краски, приблизился ко мне и, только начав работать, ответил:

– Сказал «спасибо». Так намного лучше.

Несколько минут Олег работ ал молча. Я все время ждала, что мне станет неудобно, стыдно, хотя бы холодно. Но ничего такого не происходило.

– Все нормально? – спросил мой мастер, заметив, что сжимаю губы.

– Да.

Смешок вырвался изо рта вместе с ответом.

– Тебе щекотно?

– Нет. Мне все так же больно.

– Тогда чего смеешься?

Он продолжил рисовать на мне, и я ответила под жужжание машинки:

– Вспомнила кое-что про доктора.

– Что же?

– Подружки ходили к хирургу за справкой после школы. Он осматривал и говорил обязательно что-то про их груди.

– Девчонкам? Про груди? – не поверил Олег.

– Ну да.

– На осмотре?
– Угу.
– Что он мог им сказать?
– Одной сказал, что с такими грудями она выкормит хоть сотню детей. Другой просто объявил, что у нее красивые соски.
– Капец. Это не какой-нибудь мем из порно?
Я засмеялась. Было очень похоже именно на это.
– Не знаю. Вряд ли подружки стали бы врать. Просто такой вот хирург. Ты на его фоне очень тактичный, хоть и неправильный доктор.
– Ну спасибо. Я польщен, – усмехнулся и Олег. – Закончил надпись. Посмотришь?
– Конечно.
Он подал мне зеркало, и я не сдержала восхищенного стоны.
– Здорово.
Олег проработал руны и сделал контур бабочек.
– Не думала, что будет так...
– Как? – переспросил он осторожно.
– Красиво. Неужели это не сотрется никогда?
– Магия, – усмехнулся мой мастер. – Хочешь сделать перерыв или продолжим?
– Мы недавно прерывались. Я в порядке. А ты? Я слышала, что мастер тоже должен отдыхать.
– Кто-то сделал домашнее задание. Я в порядке, Маш. Можем продолжать. Но имей в виду, что начнем заполнять цветом – это больнее. Если будет совсем труба – обязательно сразу говори и прервемся.
– Да. Хорошо. Скажу.
Олег приготовил другие новые краски и приступил ко второй фазе рисунка. Он был прав, конечно. Контуры и руны ощущались иначе, чем наполнение краской.
Я терпела, думая, что смогу привыкнуть, но боль саднила и не притуплялась. Меня не хватило и на час. Пришлось просить перерыв.
Олег сразу же остановил работу и предложил мне еще чая. Я отказалась, но попросила воды.
– Это белый, – объяснил он, протягивая мне бутылку минералки. – Болючий цвет. Его приходится наносить интенсивнее, чтобы был виден на коже. Почти закончили им. Скоро станет лучше.
– Это хорошо. Спасибо, что рассказываешь.
– Не за что. Я люблю поболтать, и ты легче переживешь боль. Мне тут припадков не надо.
– Ахаха, попробую избавить тебя от обморока.
– Кстати ложится на шрамы хорошо. Они старые?
– Угу, – буркнула я, не желая распространяться на эту тебя объёмнее.
Олег кивнул сам себе, поясняя вопрос:
– Старые неровности лучше поддаются цвету. Я поэтому спросил. Продолжим?
– Да.
Я поставила бутылку и легла обратно. Все это время я, разумеется, оставалась топлес, но трагедии по этому поводу так и не почувствовала. А вот то, что Олег смотрел мне в глаза при разговоре нелогично расстраивало. Стоит признаться, грудь у меня была красивая. Я как махровая извращенка надеялась, что он взглянет на нее хоть разок.
Наверно, он смотрел, когда работал. А может и нет. Скорее всего – нет. Все его внимание было на рисунке. Мастер своего дела.
Я не знала, радует меня это или расстраивает.

Олег не обманул. Как только он закончил работать белым, стало не так больно. А может я привыкла. В какой-то момент я поймала ту самую наркоманскую волну. Мне хотелось продлить сеанс, чтобы ощущать эту боль. Или хотелось продлить близость Олега? Я чувствовала его дыхание своей кожей. У меня не было сил игнорировать приятные покалывания даже через саднящую боль, когда он стирал излишки краски, задевая сосок.

– Тебе восемнадцать? – спросил Олег, нарушая тишину и мою полуэротическую медитацию.

– Скоро двадцать, – ответила я. – А что?

– Подумал, что ты захотела закрасить шрамы сразу после совершеннолетия.

– Думаешь, мама не разрешала?

– Обычно так и бывает, – пожал плечами Олег.

– Ты прав. Не разрешала. Она и сейчас против. Но я и не хотела ничего закрашивать в восемнадцать. Моя мама внушила мысль, что шрамы меня не портят. Я верила в это до недавнего времени.

– Что же изменилось?

Олег спросил это так легко и ненавязчиво, словно не знал, как больно мне делает. Ах, он действительно не знал. А мне неожиданно не было больно. Как будто боль и близость этого красивого мужчины лечили мои раны.

– Мой парень... – проговорила я, удивляя саму себя откровенностью.

Не в первый раз за этот вечер я так странно себя веду. У меня больше не было сомнений, что всему виной Олег. Я решила, что будет глупо не попробовать выговориться, раз слова сами вылетают изо рта и не рвут меня на части при этом.

– Мой бывший парень, – уточнила я. – Ему было противно. Он сказал мне об этом. Во время секса.

Машинка остановилась. Олег замер.

– Чего? – спросил он, прервавшись, но сразу осекся. – Прости. Это не мое дело.

Я решила изобразить равнодушие.

– Мы вроде как болтаем. Пока ты работаешь.

– Угу, – согласился Олег.

Машинка зажужжала, он вернулся к бабочкам, а я застонала совсем неприлично.

– Больно? – проговорил Олег, собираясь снова остановиться.

– Нет, нет, – запротестовала я. – Вернее, больно, но как-то странно. Внутри не так больно, пока ты рисуешь. Я могу это терпеть.

Мой мастер усмехнулся.

– Небольшой катарсис, а?

– Похоже.

Я расслабилась, и боль теперь ощущалась совсем иначе. Мне снова хотелось продлить сеанс, и я попросила:

– Может добьем с небом сегодня? Я вроде хорошо адаптировалась.

– Нет, – неожиданно отказал мне Олег, не переставая наносить краску. – К сожалению, я уже не такой выносливый. Через полчаса начну клевать носом и обязательно напортачу.

– О, понятно.

Я взглянула на часы и с удивлением обнаружила, что уже почти полночь. Мы провели в студии три часа, которые пролетели как три минуты.

Хотелось реветь от обиды. Почему все хорошее так быстро кончается? От мысли, что руки Олега больше не будут меня касаться, снова стало больно. Я постаралась не думать о скором финале.

– Не могу понять, как один придурок смог убедить тебя в уродстве, – неожиданно продолжил тему Олег.

Я усмехнулась.

– Он был очень убедителен.

– Не могу представить, что за слова надо сказать.

– Например, что у него не стоит, едва взглянет на мои шрамы.

– Господи. Каким кретином надо быть?

Олег вытер краску полотенцем, задев сосок. Я закусила губу. Возбуждение от его касаний перекрывало болезненные воспоминания. И все казалось уже далеким и действительно идиотским. Я весело ответила:

– Да, он придурок. Но я тоже хороша. Прячала от него шрамы. Вот он и перепугался.

– Угу, очень страшно, – ворчал Олег. – Каким чудом я все еще не удрал, теряя тапки?

– Ты, наверно, видел и не такое.

– Всякое видел.

Я зачем-то начала рассуждать на эту тему.

– У тебя работа. Как у доктора. Врачи тоже часто имеют дело с уродствами.

Олег выпустил воздух изо рта с шумом.

– Уродства? Маша, ты это слово к себе применяешь?

Я вспыхнула от злого возмущения, что звучало в его голосе. Спорить с ним не посмела, но шрамы никогда не были предметом моей гордости. Я много училась, чтобы поступить, потом училась и работала. Мама действительно внушила, что шрамы не испортят мне жизнь. Но все оказалось иначе, когда у меня появился парень.

Вопрос Олега повис в воздухе. Мы больше не говорили, но я чувствовала его раздражение. Движения стали чуть резче, когда он прерывался на секунду, чтобы поправить перчатки или набрать краску. Но как только Олег снова прикасался ко мне, то действовал мягко и аккуратно. Слишком аккуратно. Он ни разу больше не коснулся моей груди. Как будто специально обходил чувствительные соски, когда стирал излишки краски.

Мне должно было стать легче, наверно. Но – нет. Теперь я хотела, чтобы он прикоснулся, и предвкушала при каждом случае. От желания толкнуть грудь ему в руку мне стало нестерпимо горячо. Я почти не замечала зуд машинки и саднящую боль.

– Закончил на сегодня, Маш. Посмотришь?

– Угу, – выдавила я из себя, не веря, что сейчас придется расстаться.

Олег снял перчатки, подал мне руку, помогая слезть, и повел к зеркалу. Мои бабочки порхали над рунами. Я смотрела в зеркало и впервые за долгое время улыбалась, глядя на шрамы.

Олег стоял позади меня и смотрел на свою работу. Он тоже улыбался, видимо, довольный результатом.

– Они остались видны, – проговорил мастер.

– Но выглядят иначе, – добавила я.

Рука Олега поднялась, и он, едва касаясь, провел костяшками по моей шее до плеча, обвел пальцем покрасневшее место на коже.

– И ты, – проговорил он, склонившись ко мне и почти касаясь губами уха.

– Что? – не поняла я.

– Ты тоже выглядишь иначе. Глаза блестят, а не рвутся из орбит от ужаса. Мне нравится такая метаморфоза.

Я рвано выдохнула, пытаясь замаскировать стон смехом.

– Мне тоже нравится, – согласилась я с мастером. – Все нравится.

Наши глаза встретились в отражении.

Олег моргнул и сделал шаг назад. Волшебство разбилось вдребезги.

Господи! Неужели я всерьез рассчитывала, что он продолжит? Все эти знаки – лишь работа хорошего художника. Я искала именно такого, а теперь вместо радости имею наглость жалеть, что он не пытается назначить свидание в конце сеанса.

Все эти мысли были резонны и логичны, но вопреки здравому смыслу они причиняли боль

А что, если у меня на роду написано – страдать без мужского внимания. Примерно так же рассудительно я приняла и наш разрыв с Антоном. Но больно было, без оглядки на рациональность. Чувства и разум редко согласны друг с другом.

– Нужно обработать и сделать повязку, – сообщил Олег деловым тоном.

Я вернулась из своих терзаний. Вернее, я послушалась Олега и отправилась обратно на кушетку. Терзания потащились за мной. Все получилось ровно так, как я и ожидала. Едва Олег закончил работать, мне стало больно. Я понятия не имела, куда девать эту дурацкую драму.

Сев обратно на кушетку, я развела ноги, чтобы Олегу было удобнее обработать мне место тату. Поза была слишком интимной. Слишком удачной и желанной. Я то и дело облизывала губы, пока он наносил раствор и заклеивал пленкой. Хотелось впитать тепло его пальцев, чтобы оно осталось на моей коже, как тату.

Олег тешил мое вожделение, не спеша закончить. Он разглаживал пленку снова и снова, хотя она давно идеально закрыла рисунок. В завершении он заклеил мне грудь одноразовой пленкой. А потом случилось невероятное. Его пальцы заскользили чуть ниже, обвели окружность груди, скользнули к соску. Вторая рука Олега прошла по моей спине, глядя вдоль позвоночника. Я выпрямилась и выставила грудь вперед. Он принял это приглашение и обвел большим пальцем сосок.

Я простонала и запрокинула голову.

– Проклятье, – выругался Олег.

Боль снова обожгла, подсказывая, что сейчас все кончится. Но вместо того, чтобы отойти от меня, Олег покрутил сосок между пальцами. Он коснулся своим лбом моего и прошептал:

– Пожалуйста, прекрати это, Маш.

– Я ничего не делаю, – оправдалась я, как маленькая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.